

КРОКОДИЛ

ПАСТУХ и БОГ.

Рис. М. Черемных.

Граждане села Иванова, Армионовской волости, Ишимского уезда, постановили из икон, писанных по холсту, шить пастуху дождевик. Из газет.

ПАСТУХ:—А чудно это наши деревенские выдумали: допрежь сего хрестьяне богу служили, а ноне бога служить пастуху определили! Ништо. Пушай послужит. А то давно видать, что от него никакой пользы, акромья вреда, нет!

Бывшему английскому премьеру Ллойд-Джорджу при посещении им штата Миннеаполис, где живет индейское племя сиксвов, от этого племени преподнесли звание «дражды орел». Зато в других местах живущие в Америке ирландцы встретили Ллойд-Джорджа «кошачьим концертом».

Орел

и

режь-на!

№ 194.

В своей речи г. Хедершерна, мин. ин. дел Швеции, заявил, что он готовится к войне с Сов. Россией на том основании, что в 1900 г. царские шпионы делали съемку берегов Балтийского Побережья.

— А теперь,—сказал доктор, предупредительно сопроводивший нас по бесчисленным палатам N-ской психиатрической лечебницы,—теперь я вам покажу очень интересного государственного деятеля. Только, прошу вас, не говорите ему, что вы русские: одно напоминание о России вызывает в нем припадки бешенства... Так что вы уж пожалейте...

Мы пробещали...

Доктор толкнул дверь и ввел нас в небольшую комнату, вся меблировка которой состояла из кровати, стола и стула, привинченных к полу. Стены были обиты мягким войлоком.

Мы осмотрелись.

На кровати лежал мужчина средних лет, одетый в больничный халат, на который нацеплена была, вырезанная из бумаги, орденская звезда. Он спал; или, может быть, притворялся спящим. Доктор подошел и окликнул его:

— Любезный, проснитесь.

Ответа не было.

Доктор повторил:

— Гражданин Хедершерна...

Ни звука в ответ...

— Ваше превосходительство.

Молчание...

— Ваше высокопревосходительство, господин министр...

Фигура на кровати открыла глаза, медленно поднялась и, сев на постели, недовольно скривила физиономию...

— Опять вы ко мне входите без доклада! Что вам нужно. Зачем вы привели с собой этих людей?

Доктор низко поклонился:

— Простите, г-н министр, но я осмелился ввести к вам двух иностранцев, жаждущих беседы с вами...

Лицо больного прояснилось.

— Иностранцы! Это хорошо. Я люблю иностранцев. Я сам иностранец... Единственные иностранцы, которые не иностранцы—это русские—и за это я их не люблю... Я их ненавижу... Лига наций их тоже ненавидит... Какой-то русский писатель выдумал, что у всякого петуха есть возле хвоста своя Испания—ничего подобного... У каждого петуха есть своя Финляндия и когда

Швеция нюхает табак—Финляндия чихает, а петух (я говорю о галльском петухе)—петух получает удовольствие.

Поэтому необходимо, чтобы Швеция вошла в Лигу Наций и затем...

Больной вдруг прервал свою речь на полуслове и бросившись к двери, начал напряженно слушать.

— Что с вами?—спросил я.

— Нет... я ошибся... Мне показалось, что за дверью стоят русские шпионы... Ведь вы не знаете, до чего они доходят, эти русские шпионы. Сегодня утром я собственноручно вытащил из-под кровати два дальнобойных русских орудия и радиостанцию... И только я хотел позвать людей, как вдруг все орудия и станция взяли и исчезли... Они хитрые... А то начала моя кровать говорить по-русски...

И склонившись к нам, он лихорадочно быстро забормотал:

— Я знаю из самых достоверных источников, что русские собираются итти войной на Швецию. Поэтому я хочу заключить союз с Финляндией, двинуть войска на Москву и буду обороняться...

— Позвольте,—сказал я,—если вы двинете войска на Москву, то вы будете не обороняться, а наступать...

— Чепуха. Эта политика устарела. По моей политике оборонительную войну лучше вести на чужой земле, чем на своей собственной. А обороняться необходимо. Ведь мы вчера... и позавчера поймали массу русских шпионов, которые под видом «точильщиков» снимали карты берегов Швеции...

— Постойте, постойте,—вмешался мой товарищ,—это ведь было в 1900 году, а теперь у нас уже 1923 г...

Больной пришел в бешенство.

— Как... Теперь 1923 г. И вы тоже... Да разве вы не знаете, что после 1900 г. больше никаких годов не было... Что 1900 г. наступил раз и навсегда... Вы этого не знаете? Вы? Или нет... Я все понял... Вы русские шпионы! Вы пришли сюда подсматривать и подслушивать тайны шведской политики! Эй! Страш! Люди! Арестовать!..

И сжавши кулаки, он бросился на нас. Доктор поспешно вывел нас в коридор.

Уходя, мы, взглянув на карточку, прибитую к дверям комнаты умалишенного, прочли:

№ 194.

Соединение мании величия с манней преследования
Г. ХЕДЕРШЕРНА.

Министр иностр. дел Швеции.

Я. Галицкий.

ГЛУПЫЙ ЧЕЛОВЕК.

После нескольких бутылок пива мы возмечтали. Мечты у нас были и среднего, и возвышенного сорта, но, в общем, вполне допустимые. Дормидонт же Петрович, человек глупый и неумеренный, распустил свою фантазию до последней возможности. Он заявил:

— Жениться бы, братцы! И чтоб супруга моя была женою ответственного работника.

— О, чорт — дурак! — выругался зав. столом яичного состава.—Это с какой же радости пойдет жена ответственного работника за такого курного?

Дормидонт Петрович возмутился:

— Ты, Перепелкин, извращаешь мои слова! Я и сам не таков человек, чтобы покушаться на чужое семейное счастье. Дормидонт Пуговицын, слава богу, не какой-нибудь испанский Альфонс!

— Тем не менее, выражаетесь вы довольно странно, — неодобрительно заметил бухгалтер. — В итоге у вас получается, значит, что вы желали бы свою будущую супругу определить... э... кхм... в порядке служебного сожителства?

Дормидонт Петрович, при всем своем добродушии, не выдержал и вспылал.

— Если бы я был в настоящее время уже женат, — произнес он отчетливо и громко, — и если бы вы не были моим непосредственным начальством, то я бы сказал, что за такие слова можно и к третьей инстанции обратиться!..

Бухгалтер развел руками:

— Не понимаю тогда!.. Чтоб ваша жена была женою ответственного работника... То-есть, гораздо проще говоря, вам хочется ответственным работником быть?..

— Это мне-то? — печально удивился Дормидонт Петрович. — Да боже меня упаси!.. Доклады чтоб делать?.. Заседания проводить? Комиссиями руководить? Без ограничения времени работать?.. Политическую линию выдерживать? Да ни за какие червонцы!.. Нет уж, покорнейше вас прошу, не выворачивайте вы моих слов наизнанку!

ОТ СУДЬБЫ НЕ УЙДЕШЬ.

Буржуазия и иностранцы в панике покидают Берлин. На почве голода в Берлине участились случаи уличного грабежа.

Телеграмма.

Рис. Ив. Малютца

МИЛЮКОВ:—Послушайте, милые, меня уже раздевали... там, в России, перед октябрём!..

РАЗДЕВАТЕЛИ:—Ну, что-ж из этого? Ведь у нас октябрь ещё не наступил.

— Но... как же, однако, тогда?.. В каком, собственно, смысле прикажете вас понимать?

Дормидонт Петрович поправил свой галстук, застенчиво улыбнулся и сказал:

— Попросил бы понимать меня в простом смысле. Каждому человеку приятно, я думаю, чтобы его жена была не просто — женой, а супругой ответственного работника. Возьмите в соображение, братцы: супруга ответственного работника никакими докладами не завалена, ответственностью не обременена и работать без ограничения времени не обязана. Между тем, уважение ей оказывается?.. Оказывается: ее даже за глаза называют по имени-отчеству, и всякое такое прочее... Автомобилем она пользуется?..

Пользуется. На курорты ездить имеет возможность? Имеет. Бесплатно в ложу театра ходит? Ходит. Влиянием обладает?.. Обладает. И даже если она беспартийная, то все же, по сравнению с простой партийной работницей, которая со стажем и...

— Постой,—перебил Дормидонта Петровича гав. личным столом: — тебе-то, дураку, какая ж во всем этом корысть?

— Мне нету корысти, — согласился Дормидонт Петрович. — Мечтаю единственно только в интересах своей будущей супруги. Если я, например, женюсь по горячей любви, то как же мне не желать для своей жены всего лучшего?

Бухгалтер укорительно покачал головой.

— И ничего больше, какой глупый вы выходите человек! — заявил он Дормидонту Петровичу. — Как это так, чтобы гражданка Пуговицына, жена делопроизводителя, была супругой ответственного работника? Все равно-с, что надеяться выиграть сто тысяч по золотому займу, не имея облигации. Глупо, извините, и невозможно!..

Дормидонт Петрович подумал, вздохнул и возразил кротко, но с убеждением:

— Напротив, я поневоле ограничиваюсь пределами возможности... Ибо, будучи мужского пола, нельзя же представлять в мечтах себя самого супругой ответственного работника?.. Заманчиво, но недоступно-с!

НИАГАРОВ И РАБОЧИЙ КРЕДИТ.

Мой приятель, небезызвестный Ниагаров, осмотрел меня с головы до ног уничтожающим взглядом.

— Брюки—длиннее, чем полагаются на поларшина, чего нельзя сказать о рукавах, которые короче на три четверти... И потом, что это за набрюшник? Ах, не набрюшник!

А что же это такое? Жилет? Виноват! Ви-но-ват! Не смею сомневаться... Конечно, это, может-быть, у вас в провинции называется жилет, только не так я себе представлял эту часть туалета. Что, специально в Конотоп ездил заказывать костюмчик? Сознайся, плутишка, что в Конотоп?

Я мучительно покраснел. — В Москвошвей. Ездил. Специально. Заказывать. На Петровку.

— Ми-лай, да на Петровке я тебе оденусь, как молодой принц!

— Ну да, брат, за рабочий кредит не очень-то оденешься!

— А что такое?—заинтересовался Ниагаров.

— Да то. Приказчики не уважают. «Забирай, что дают. И в таком будешь хорош. Много вас тут, пролетариев, с талончиками шляется». Я не успел и глазом моргнуть... Раз, два, и ваших нет. На

весь кредит. И вот видишь сам...

Ниагаров уничтожающе сверкнул глазами.

— Деревня! Шляпа! Одевайся!

Через полчаса мы с Ниагаровым входили в магазин Москвошвей на Петровке. Ниагаров засунул руки в карманы и, крутя папиросу в небрежно стиснутых зубах, подошел к приказчику.

— Послушайте, вы! Костюм. Самый лучший! И шляпу. Самую лучшую! Полдюжины рубах. Самых лучших! Живо.

— В рабочий кредит?—подозрительно осведомился осторожный приказчик. Ниагаров сдвинул брови.

— Бал-ван! Не видишь с кем разговариваешь?

— Виноват. Ваше сиясь... Просите... За пролетария признал... хе-хе. Васька, стульчик господину! Митька—сними с господина галоши! Колька—принеси господину стакан воды! Разрешите-с мерочку-с...

Ниагаров вертелся перед зеркалом и презрительно цедил:

— Чорт знает что! Под мышками жмет. Воротник лезет на затылок. Брюки слишком коротки. Не годится! Другой.

— Сей минут, ваше сиясь... Пожалуйста ножку. Так-с. Согните ручку. Так-с. Как вылитый. Красота!

— Материал—дрянь. Не годится. Я вам не какой-нибудь пролетарий...

— Виноват, ваше сиясь. Дадим другой-с. Знаем, на кого работаем-с. Помилуйте-с.

— То-то! Смотрите у меня!

Через два часа, одетый с ног до головы, как молодой принц, Ниагаров небрежно подошел к кассе.

— Получите. Галон на рабочий кредит. Моя фамилия Ниагаров. Мне еще тут остается этого самого кредита на два червонца. Так вы отметьте. Мальчик, отвори дверь. До свидания.

Поскрипывая новыми башмаками, Ниагаров прошел мимо обалделого приказчика.

— Прошу убедиться... Рабочий кредит!—сказал он, когда мы вышли на улицу.— Видал-миндал? Де-ре-в-ня!..

Валентин Катаев.

ПОРТРЕТЕЦ.

(Провинция).

«Апостола» примерный чтец
Блюдет отцовские заветы,
Попом в селе его отец,
Си — председатель Волсовета.

Угодник вылитый с лица,
Всегда он в курсе всех деяний,
Но... по наследью от отца
Он не чуждается «далий».

Немножко залугнешь — струхнет,
День — два и — вновь берет, не тужит,
А все же кто-нибудь «тряхнет»...
И... литию по сыну поп отслужит.

Мих. Андреев.

ЧЕРВОННЫЙ РАВВИН.

В Николаеве на черной бирже появились «червонные раввины», которые берут за обмен червонца по 500 руб.

Рис. Д. Мельникова.

РАВВИН: — Сегодня один прихожанин в синагоге сказал, что я разменялся на мелочи. Что-же, это не так плохо. Я за обмен червонца на мелочь 500 рублей беру!..

КАКОВ ПОП, ТАКОВ И ПРИХОД.

Рис. М. Черемных.

В одном из городов Франции, в день святого Губерта, покровителя охоты, была отслужена обедня за собак. В конце обедни священник произнес молитвенное наизудание всей собачьей своре, которая находилась в церкви.

КСЕНДЗ (собакам):—Конечно, моя молитва очень важна для сохранения вашего здоровья. Но я выучу вас, вместо вашего обычного лая, лаять «Господи, помилуй!» и «Богородице дево радуйся!»

рис. М. Мелиникова.

КРОКОДИЛ: — На двери ресторана я прочел, что тут есть кушанья на всякий вкус. И правда—даже для меня тут пищи много... А глотну-ка я вот эту парочку под червонным соусом!..

РЫЦАРЬ ПЕЧАТНОГО СЛОВА, или ЖЕНА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ.

недоплюевское отделение Всеработземлеса

Сотрудника УЗУ и членов
означенного союза АНТИ-
МОНОВА Ермолая

З а я в л е н и е.

В середине прошлого месяца я направил в газету «Заря Недоплюйска» заметку «В чужом доме не хозяйничай», в какой я подразумевал жену Предисполкома Напиральского, что она в местном ЕПО, выбирая товар, зашла бесстыдительно за прилавок и—увы—попала на западню, каковая и провалилась вследствие гнили. На личность я во всеуслышание в заметке не указывал, но делал исключительный намек. Означенная заметка не попала в газету, но в руки Напиральского, как члена редакции, догадавшись, что тут говорится о его жене. Пользуясь высокопоставленным местоположением, Напиральский вызвал меня к себе через телефон.

Полагая, что Предисполкома будет со мной разговаривать или же о делах УЗУ или как частный, я отправился, оставив работу и ничтоже сумняшеся.

Но я горько разочаровался. В кабинете после всевозможных выражений как-то «энсимуатор» и «вонючая кляуза» и кулачных замахов с касанием личности я был арестован и как злостный убийца отведен в ардом. На четвертый день мне там об'явили, что я арестован за вызывающееся поведение в кабинете. Хотя кто кого вызвал—вопрос. И будто бы такое постановление исполкома, что кроме того я саботажник и халатного поведения. Спрашивается: в чем выразилась халатность? И зачем меня вызывал Предисполком? На первый вопрос вы ответьте: был ли я работник или халатный саботажник? И если вы скажете последнее, то зачем же я был принят на службу вторично с повышением?

На второй вопрос—я отвечу сам. Меня вызывали на об'яснение по поводу заметки о его жене. Справедливость этого и взбешенные выражения Напиральского могут подтвердить служащий почтово-телеграфной конторы Тихоплецов и билетер нардома Федя Столбушкин, которые заглядывали в дверь кабинета на крик.

Такая несправедливость вызывает и способствует к большому упадку литературной деятельности, не только моей, но и многих начинающих писать, а

потому прошу восстановить истинную справедливость и не беззвучно, а с полной громогласностью. Что же касается Предисполкома, то считаю его образы воздействия шкурнически подрывающими власть и как партийный принужден апеллировать.

Ермолай Антимонов.

Тов. Антимонову.

Союз работников земли и леса Вас считает, как хорошего работника УЗУ по службе, и также и члены союза в частности и за Вами никаких преступных актов не замечали.

Что же касается Председателя Уисполкома, то пампандурское поведение означенного Высокопоставленного товарища вызывает в нас чувство порицания.

Приписка от руки:

Но плюнь, Ермоша! Не стоит связываться. О нем уже писали в Москву. Когда надо будет—все расскажем, а пока молчи в тряпочку. Приходи сегодня чай пить. Будет А. М. Она очень волновалась, когда тебя посадили

Председатель Недоплюевского отд
Всеработземлеса: В. Курочкин.

Документы доставил Вас, Нумтч.

СКИДКА.

Производимые всюду скидки пока не отразились на курсе товарного рубля: он попрежнему повышается.

Из газет.

Развернув утром газету, Иван Иванов был буквально ошарашен:

— Скидка! Скидка! 15%, 20%, 40%.

Когда Иван Иванов вышел на улицу, ему прежде всего бросилось в глаза: «ЦЕНЫ Понижены! Спешите, горюйте, запасайтесь!»

На службе все говорили о скидке и собирались за покупками. Кассир не успевал отказывать в авансах. Все торопилось.

— А как раскунят?

Из магазинов люди выхили нагруженные покупками. Вели разговор:

— Только десять червонцев. Великолепный товар!

— Дешево!..

— Восемьдесят червонцев даром! — восхищался чей-то голос.

В витринах пестрели заманчивые цифры: 6, 8, 10! Небывалая дешевизна!

Иван Иванов не стерпел и купил в том магазине, который давал сорок процентов скидки, не только на всю будущую покупку, но и на будущую:

— Дешевка!

Но придя домой и развернув покупку, не был особенно доволен.

— А если бы без скидки, — утешала жена — и этого не купил бы...

На другой день зашел к Ивану Иванову приятель — Павел Павлов.

— Были на скидке? Что купили?

Павлов махнул рукой:

— Скидка! Вы сколько платили за это? — спросил он показывая на башмаки.

— Только пять червонцев! — восхищенно ответил Иван Иванов. — Посмотрите какие!

Павел Павлов ехидно улыбнулся:

— А я такие же за три купил...

— Где, где? — недоверчиво спросил Иван Иваныч.

— То-то же, где! Ну да ладно — скажу... Пошел я туда, где сорок процентов скидки — 10 червонцев — дорого! Иду в другой магазин, где двадцать пять — там за ту же вещь восемь червонцев спрашивают! Ну я, конечно, дальше: пятнадцать процентов скидки — там эта же штука семь... Ладно — захожу в магазин, где десять процентов — без скидки — то те-

перь нет, — там пять червонцев спрашивают!

— Дорого, говорю, какая же это скидка!

— Не извольте, говорят, беспокоиться — скидка первый сорт...

— Да мне, — отвечаю, — не скидка требуется, а как бы подешевле...

— Сами, — говорит, — понимаете, со скидкой дешевле нельзя.

Тут меня осенило:

„ОКО ЗА ОКО, ЗУБ ЗА ЗУБ.“

Священник села Преображенского, зайдя в читальню и увидев «Крокодила», в гневе разорвал его на мелкие части.

Рис. Ив. Малюткина

ПО П: — Этот проклятый Крокодил грызет меня из номера в номер. Ну, я тоже ему штучку придумал: жуду тоже грызть его номер за номером!..

СМЕТА.

Представитель Оренбургского финотдела Михайлов, приезжая в деревню для составления смет, забирал у крестьян кур, хлеб и т. п.

Из газет.

Председатель и члены Ведняковского Волисполкома уже целую неделю бились над составлением волостной сметы.

— Ну, как же? Опять чтой-то много выходит... Средства все никак не

хватит... При нашей бедности — каждое лыко в строку...

— Хоть ты и грамотный, Пантелей, и приседатель, а дело тут с загогулиной. Это, брат, не землю пахать...

— Не иначе как придется пригласить кого-нибудь из уфинотдела... Народ там знающий, живым манером обрабатывает...

— Сумнительно... они городские — чего знают по нашей бедности? Нам, скажем, скамейку нужно, а он тебе

— Только, говорит, для вас — безо всякой скидки — три червонца!

Иван Иванов воскликнул, хлопнув по лбу:

— Вот дурак! А меня тоже в одном месте спросили: «Со скидкой вам или без скидки?»

Матвей Крядит.

диван пропшет, ты, скажем, тридцать верст отмахнешь на своих двоих, а он тебе — разездные расходы... Вот и будет такая смета, что положи ее куды подальше. да и только...

— А все же без знающего человека никак обойтись невозможно. Быдо и в обрез, а многогатовых выводит... Человек казенный — понимающий, обладит дело...

Представитель Уфинотдела приехал... Единственная комната Волисполкома к его приезду была вымыта, вычищена и председатель перенес туда даже свою единственную кровать.

Однако, все эти приготовления оказались напрасными: приезжий требовал себе квартиру.

— Да вот... помыли здесь, почистили... Милости просим.

— Что-о? Здесь мне не подходит. Желаю квартиру.

Дело было трудное, однако, один из членов Волисполкома переселился со всеми чадами, домочадцами, овцами и свиньями, по соседям, а освободившееся помещение, после тщательной уборки, было предоставлено приезжавшему.

Освежившись с дороги, приезжий потребовал к себе членов Волисполкома.

— Присаживайтесь... Ну, как у вас здесь дела?

— Да ничего, помаленьку. Вот расчет сметы...

— Да, да, знаю... Э-эх, деревня!.. Вот, знаете, город — это другое дело... Там жить можно...

— Да и у нас бы ничего, да вот, вишь, бедность ваедает... После голодухи еще не совсем оправались.

— Э-эх, бедность... Не в ней дело. Главное, чтобы уважение умели сделать человеку. Вот в городе меня златют... Человек, говорят, образованный, нужный... Нужно моей жене пальто — пожалуйста, нужно сапог пару — тоже можно по своей цене устроить. Знают, что человеку нужно уважение сделать...

— Оно конечно... Да бедность, знаете.

— Глупости, коли нужный человек, все да можно какое-нибудь уважение сделать. Например, достаньте вы мне курочек пару, поросеночка, яичек хоть сотенку, ну еще там кой-чего побудь по домашности, — маслица, али бы новинки...

— Да какие же у нас поросеночки? Хлеба-то с квасом и то в досталь не видим.

— Ну, что же, что у вас нет? Вам и не нужно... а мне все-таки достаньте. Да что там долго говорить... Желаєте — так желаєте, а нет — снаряжайте подводу и я уезжаю!..

После отъезда «нужного человека», председатель Волисполкома сидел, запустив обе пятерни в голову, над сметой и рассуждал:

— Д-д-а... обладил дело... Сметный человек. Ишь ведь — и сверхсметные-то расхоль пометил!..

Пятипроцентная часовня Госиздата, или...

Рис. Д. Мельникова.

... Святцы-Госиздатцы :

ХУДОЖЕСТВА.

«Трест Д. Е.» книга полезная в руках умелого пропагандиста.

(К вопросу об издании произведений на религиозные темы). «Одобрена такая линия: можно издавать такие произведения, если они принадлежат к числу классических и если тираж их не превышает 5—6 процентов всех тиражей.»

«Если статья на точку зрения автора заметки «Молитвенный экстаз Госиздата» (Тр. Правда № 2371), то нельзя будет воспроизводить такие картины, как Мадонны Рафаэля, Мурильо и т. п. Неужели автор заметки не замечает, до чего это смешно?»

Из статьи тов. Мещерякова: «Вынужденное объяснение» — «Правда», № 243.

Слесарь Гайкин Семен после получения рассуждал так: «Пива не пью, зарок

дал жене... Не буду пить пиво, пусть не ругается. А без книги не обойдешься. Каку хошь книгу, а надо купить!»

Вошел в госиздатовский магазин. — «Нет-ли новинок?»

— Извольте, только что вышли. Литература—первый сорт.

Завернули. Гайкин взял покупку и хотел уже выйти. Его окликнул заведующий: — «Подождите минутку, гражданин. Ваша фамилия? Гайкин? Отлично. Кто у нас дежурный по домовой пропаганде? Номер 5779-й? Ступайте за гражданином Гайкиным.»

Вышли, пошли. Гайкин весело шагает рядом со своим спутником. — Пропагандист будете? Нук што ж—дело хорошее. Е-есть еще в наших углах малость этой самой темноты. К примеру—жен

щина. Начнешь ей против икон и попов, распропагандируешь, вразумишь—богов со стены сама съмет. Отвернулся,—а она ребенка к полу крестить тащит. Уж вы, товарищ, постарайтесь, просветите.

Пришли. Выбежали дети Гайкины, оторвалась от корыта жена.—Жена, зови соседей, вот к нам из Госиздата пожаловали.

Пропагандист развернул принесенные книги: — «Товарищи, вот ноты. Издание музыкального сектора Госиздата. На религиозные темы. Прошу внимания»

Гайкины ребята разинули рты.

Пропагандист: «Религия—опиум для народа. Опиум, затемнение народного сознания, мерзость, яд! Но всякий яд в небольшой дозе (5—6 процентов по рецепту Госиздата) даже полезен, как, напр., лекарство в медицине. Например, при сильном расстройстве желудка—смы каплей опиума—и более как не бывало. Мотив нот такой: «Ария Страделлы». Я начинаю, прошу подтягивать кто как умеет: «Бо-о-же, бо-о-же к тебе прибегаем...»

Изо всех углов густо заселенной квартиры выспали жильцы.—Молебствие, што ли? Так за все шесть лет революции в рабочей квартире такого не бывало! Старуха бабка тихонько завывала: «Царица небесная, заступница, Микола угодничек, помилосподи, помилуй.»

Пропагандист (развешивая по стенам Мадонны Рафаэля и Мурильо): — «Всякие там иконы разных творений, казанских, тифинских, нечаянных радостей,—одним словом, весь дурман отечественной богомазнии—совершенно недопустим для распространения в массах. Но вот классические образцы религиозного искусства европейских гениев! Вот—Мадонна, мать господ нашего Иисуса Христа, работы гениального художника Рафаэля...»

Старая бабка: Так, батюшка, так, родименький, дай бог тебе и всему твоему Госиздату царствия небесного!

Гайкины (в невылазной тоске):—Не будет ли? Помолитесь и будет.

Пропагандист:—Нет, как можно. Исполнены только 2 процента задания. Перед вами произведения, кои одобрены «и обсуждены во многих инстанциях: в редакционной коллегии, где работают очень компетентные в вопросах идеологии товарищи, с работниками агитпропа, с тов. Луначарским»...

Младшие члены Гайкиной семьи—два сына и девочка уткнулись в Пильняков и Эренбургов.

Пропагандист умиляется:—Вот вижу рабочая молодежь увлекается нашими талантливыми попутчиками революции. Книжки чудесные, но, конечно, без умелого пропагандиста их читать не рекомендуется. Вдруг да читатель вычитает, да вычитав поверит, что любой чекист—старый партиз, в двухчасовой срок продаст всякую там революцию за прелести любой белогвардейки—няняжны или балерины и тому подобное. Читайте, но не верьте... До свидания.

У Гайкина Семена больно заняло сердце по загубленным деньгам.

В углу перед классической Мурильевой богоматерью истохо застучала лбом о пол старая бабка.

Чинита Тверской.

Условный приговор.

На фабрике тонких сукон им. Алексева, в день свержения самодержавия, некоторые комсомольцы напились пьяные, взяли гармошку и пошли гулять... При станции Лихоборы молодежь ежедневно собирается для кутежей, льется самогонка, ругань, гам.

«Юношеская Правда».

Рис. Ив. Малютина.

ПИВНИ

«Крокодил» хотел назвать этот рисунок «Комсомольцы в пивной» и показать лица молодых завсегдатаев пивных, но ввиду недавней октябрьской годовщины мы даем комсомольцам амнистию и помещаем только неясный набросок. Однако, условно наш приговор остается в силе...

Одесские разговоры.

Арлекин в Одессу агроном губземауправления собицил, что около Очакова в районе Сичавки и Анатольевки, в 12 верстах от Одессы, с моря идет колоссальное количество мышей, как полевых, так и домашних. Мыши поедают скверды и кукурузные поля. Рыбаки указывают, что мыши идут с юга и плывут по морю в несметном количестве. Среди населения нарастает тревога. Кошки убегают из сел.

I.

— Вы слышали: мыши идут?
— Еще бы: я даже вчера получил письмо от моего шурина: среди эмигрантов

форменная паника и все бегут из Константинополя.

— Позвольте, при чем тут эмигранты?

— Так вы же говорите, крысы бегут с тонущего корабля?

— Извините меня, но вы сумасшедший. Я говорю о мышах. О самых настоящих мышах, которые движутся на Одессу...

— А, я понимаю вас. Вы о врангелевцах. Не движутся. Лежат, как мертвецы! Где там им двигаться?

— Я не могу с вами говорить. Вот читайте: «Колоссальное количество мышей».

— Чудак вы, это же аллегория. Разве они напишут правду?

II.

— Вы внесли уже на воздушный флот, Карает Иванович?

— Нет еще. Мы, купцы, не спешим. И потом, эти мыши! Может быть они поедят ангары и аэропланы, зачем мы будем вносить?

— Движутся?
— Движутся! Уже в 6 ти верстах от Одессы.

— А я вам говорю, что это знамение. Сначала обновление икон, а затем мыши. Это не спроста.

— «Они» уходят!

— Кто—мыши?

— Нет, «они»!

— Ах, оставьте, это неважно! Покупайте хлебный заем. Я вам советую.

— Мыши съедят урожай, хлеб поднимется, заем прыгнет вверх. Это не хуже, чем доллары!

III.

— Соня, кто там?

— Фининспектор! Говорит—подходный налог надо платить.

— Скажи ему, что я теперь очень расстроен. Мыши идут на Одессу, а они налоги собирают!

— Он говорит: после больше упла-тишь.

— Это мы увидим. Только сегодня у меня взяли на «позорного ребенка» а теперь подходный... я не могу платить... мыши идут... я расстроен!..

И. Малюта.

ВЕНЧИКИ.

Совсем бы каюк на том свете грешникам, умершим во время голодного года без исповеди и панихиды, — да спасибо попу Кондратью из села Мякиннее Отруби. Ведь кому и заботиться о грешниках, как не попам да монахам! Скорбел-скорбел поп Кондратий о грешниках нераскаянных, думал-думал, а попадья ругается:

— Совсем нечем жить! Мануфактура шестьсот рублей аршин.

И гонит попадья попа Кондратия из духовного звания на частную службу, где по дорожке платят.

Урожайшко в этот год был выше среднего в селе Мякиннее Отруби. Вот поп Кондратий со слезами на глазах и говорит мужикам в церкви:

— Братие, черти вы эдакие! Неужели вам не стыдно забывать покойников, которых вы во время голода валили без исповеди и панихиды? Неужели желаете вы, чтобы их на том свете бесы с дьяволами мучали день и ночь? И грамоты разрешительные не давали мы им тогда, и венчики не возлагали на чело. Вы знаете, как господь отнесется к этому? Почему нынче летом кобылка нас ододела? Почему продналог собирают теперь коммунисты? Потому что мы не заботимся о душах умерших. По моему, немедленно нужно составить список всех неотпетых, схороненных без венчиков, и немедленно послать им венчики.

Мужики из села Мякиннее Отруби крепко задумались.

Выступил тут старый старичек, ожидающий кончины праведной, говорит попу Кондратю:

— Твои слова, батюшка, правильные—нельзя забывать покойников, но как послать на тот свет венчики?

— Это вот верно!—сказали мужики.—Кого послать туда? Все поглядели на старого старичка:

— Потрудись хоть ты, Иван Куприяныч!

— Как же я потружусь?

Тут опять выступил поп Кондратий со слезами на глазах—очень уж жалко ему покойников неотпетых:

— Слушай, Иван Куприяныч! Старичек ты старый, надоед всем хуже горькой редьки, умри завтра к обеду, а ночью нынче я список составлю схороненным без венчиков. Родственники умерших купят у меня каждому покойнику по венчику, мы их сложим в твой гроб и попросим господа бога, чтобы он принял венчики и избавил грешников нераскаянных от адского мучения. Правильно я говорю?

— А почему?—спросили мужики.

Поп Кондратий рукой махнул:

— Пустяки. Я бы мог и так каждому по венчику дать, но боюсь разгневать господа, который может на вас же обидеться. Чтобы не гневить его, давайте сейчас сговоримся и не как большевики-коммунисты, любящие кричать да спорить,—проще сделаем: я, примерно, назначу по восьми фунтов за венчик для младенческой головы, по двенадцать фунтов для мужской и фунтов по десять для женской. А чтобы не путаться нам с весами да с гирями, мы сделаем еще проще, не как большевики-коммунисты: за венчик на мужскую голову ведро ржи, за венчик на женскую—немного неполное, а за венчик на младенческую головку, ну, скажем, полведра. Согласны?

— Мне выходит хуже всех!—сказал Лаврентий Мышкин.

— Почему?—спросил поп Кондратий.

— Потому что у меня старуха умерла, двое ребят, дочь семнадцати лет, племянник сестрин сын, Григорьем звать, своячена—вдова, дядя по матери, две тетки и шурин из деревни Кобылий Хвост. Сколько мне венчиков купить? Сколько голов получается тут? Эдак я больше, чем продналогу, должен отвести тебе.

Поп Кондратий вздохнул:

— Вот что, мужички, сподобит я тоже не стану. Если

у большевиков-коммунистов есть льгота по продналогу—с кого больше, с кого меньше,—то и я могу сделать облегчение такому человеку, как Лаврентий Мышкин. Согласны?

— Согласны!

Утром в понедельник умер старый старичек Иван Куприяныч. Гроб ему сделали большой, аршина в два ширины, наложили венчиков триста семьдесят восемь штук мужских двести пятьдесят

четыре женских и сто девяносто девять младенческих. Понес их Иван Куприяныч на тот свет господу-богу за грехи нераскаянных грешников, умерших в голодный год, а поп Кондратий, думающий о спасении душ человеческих, весело говорил попадье:

— Десять пудов тебе на юбку, десять пудов на ботинки, восемь пудов мне на штаны и четыре пуда на самогонку—это уж как хочешь..

А. Невзоров.

КРОКОДИЛ НА ЗАВОДАХ ДОНБАССА.

Прилетел Крокодил в пределы Донбасса. «Пищи» в Донбассе такая масса, что можно сделать на год запас. Не только углем богат Донбасс!

ЗАВОД СТЕКОЛЬНО-ХИМИЧЕСКИЙ.

Приезд Крокодила вызвал панику: Мартынова—главного механика—Крокодил глотнул как галушку. За то, что Мартынов сделал «заглушку». От которой в бассейне стекло Сначала застыло, потом утекло. Затем Крокодил занулил наново. Проглотил Голованова—Спеца, очень сердитого. Ругавшего рабочих бандитами. На заводе имелось не мало прорех: Пришел Крокодил в резной цех, В котором рабочие воду пили Из большущей стеклянной бутылки, Не кружкой, а вытягивая губки, При помощи длинной стеклянной трубки. Крокодил на заводе нашел машину, Изготавливающую матершину. Работает машина и ночь и день. Матюкаются все, кому не лень. Крокодил заявил, что за это Поместит в журнале ругачей портреты, А если не перестанут валить дурака, Проткнет вилами языки и бока. Попадут на вилы и те мастера, Которые пьют самогон до утра, Спускают получку без толка На радость самогонщиц Николаевского посёлка. Крокодил спросил прохожего человека: — Товарищ, а где библиотека? Прохожий ответил скоро: — Иди вдоль забора, Перелезешь забор, полезай в окно. Если в комнате холодно, грязно, темно, Зуб на зуб не попадает у человека, Это и будет библиотека.

ХИМИЧЕСКИЙ ЗАВОД.

У рабочих маски—тряпьё из сунна; Одежда насквозь прожжена, Вообще, на счет спец-одежды У рабочих пропали надежды.

ЗАВОД ИМЕНИ ВОРОШИЛОВА.

— Ну на, товарищи, кого тут на вилы? Первым поймал Крокодил Синькова— Глав-механика, нрава такового, Что ездит обедать домой на... Нукушне. Ругается словно из пушки, Возится с непокорной дамой— Паро-динамой; Около нее, как жених с невестой, А паро-динама ни с места.

Белой окраски Банников-спец. Для работниц прямо родной отец. Пусть ему будет короток век, Для него «баба не человек!» Работниц считает существами противными.

Он на ножах и с партийными, Коммунистам весьма и весьма не рад он; Для него коммунист, как для чорта ладан. Крокодил направился далё в Сельхоз, В Сельхозе спецов имелся воз,— Не один—а четыре заведующих, Делами различными ведающих, И, странная вещь, у сего аппарата Имелись коровы, куры, поросята, Но, между прочим, Молока и яиц не видят рабочие. Не может ли зав. Кузнецов Отыскать продуктам концов? На заводе другое хозяйство имеется Под названием—заводская мельница, У которой вошло в привычку Проводить с крестьянами «смычку», Хорошо оплачивать мельничный труд, Брать за помол пуд за пуд. С такого помолу, Пожалуй, будут мужики голы. Познакомился Крокодил с заводской охраною

У охраны работа странная: Охраняет от местных воров Спецовских кур и петухов. Крокодил предлагает—курам на смех— Из курятников сделать... куриный цех. Затем Крокодил в стройотделе Обнаружил неравенство в деле. В этом отделе на каждый ремонт Имелся особый фронт: Отдел для заводской администрации, Что называется—рад старатися,— Квартыры покрасить краской не в очередь; Другой колленкор с рабочими: Если надо поправить рабочему печку, Ставь стройотделу свечку, Дождись, пока через три недели Твою хибарку крейдой побелят. У комсомольцев в клубе темно, как в Ребятки сидели и ныли [могили, В окидании света.

Крокодил, подивившись на это, Спросил комсомольцев: «Ребятки, Это что же у вас за порядки? Разве можно в клубе работать впотымах?» Комсомольцы ответили: «Ах! Проткни, Крокодил, управление завода, Которое свет обещает два года. Авься, хоть на третий Будем работать в клубе при свете!»

Путешествие описал секретарь Крокодила Лохил.

До революции Загодякин твердо верил, что земля держится на трех китах, а к не бесной «тверди» привешаны звездочки. И звездочки эти — ангельские глазки и ничто иное!

На рабфаке в Москве Загодякин прозрел. Широко раскрылись глаза на мир, на вселенную и на все остальное.

— А сколько нашего братя до сих пор еще в невежестве коснеет! — подумал он с грустью. — Во всякую ерунду, как дикари, верят. Обязательно как только попаду в деревню разьясню крестьянам их великие заблуждения.

Случай скоро представился. Загодякина командировали в уезд закупить сельские продукты для рабфаковского кооператива...

Повезло ему сразу. У опушки леса на корявом пне сидел старик с седой бородой, в больших сапогах.

Старик жевал хлеб с маслом.

— Здравствуй, дедушка! — весело поздоровался Загодякин. — Отдыхаешь?

— Здравствуй, внучек! — приветливо ответил старик.

Загодякин присел рядом. Он решил не откладывать дела в долгий ящик.

— Эх, погодка-же сегодня начал он. — Хоть и осень, а небо ясно и безоблачно. Нечто, что на северном полюсе, где круглый год — льды! А на экваторе совсем наоборот: там люди даже зимою голые ходят. До того жарко! Объясняется такое явление очень просто, дедушка. Земной шар, двигаясь по своей орбите, полюсами отклоняется от солнца больше, чем экваториальным поясом и...

На устах старика мелькнула улыбка. Загодякин приписал ее недоверию закоренелого в своих невежественных понятиях человека.

— Не веришь, дедушка? — грустно спросил он. — Небось, думаешь, что земля наша на трех китах стоит, а солнце вокруг прогуливается? Эх, темнота, темнота!

И Загодякин сразу зажегся:

— Да знаешь ли ты, старик, — воскликнул он, — что земля — шар и вертится вокруг своей оси? Знаешь ли ты, что в библии наврано, будто Иисус Навин остановил солнце? Не солнце вокруг земли ходит, а наоборот: земля вокруг солнца! И звезды вовсе не ангельские глазки, а такие же миры, как земля, и даже больше! Вот как, дедка!..

— Гм... все еще не верит! — уныло подумал юноша. — Надо приступить к научным доказательствам. Как бы это изложить попроще и понятнее?

Рис. Л. Мельникова.

СОЮЗНЫЙ ОФИЦЕР: — Я почти уверен, что эти наглцы найдут связь между пожаром дворца и нашим уходом.

Подумав, Загодякин начал: — Вот, дедушка, представь себе, что долго-долго едешь в одну сторону. Неделю, месяц... год. В результате обязательно прибудешь на то же самое место, но с другой стороны! Ясно, что земля круглая. Затем возьмем такой пример...

Доказав шаровидность земли, Загодякин принялся доказывать, что гром и молния производит не Илья-пророк, а грозное электричество. — Что же касается до жидика, — продолжал Загодякин, — то он происходит от... — Знаю, — прервал старик, — от охлаждения скопившихся облаков.

Под Константинополем сгорела дача-дворец, принадлежащая российскому посольству. Пожар случился накануне очищения Константинополя союзническими войсками и за несколько дней до формальной передачи советскому полпредству имущества царского посольства.

— Совершенно верно! Откуда ты это знаешь, дедушка? — удивился Загодякин.

Старик погладил бороду и с улыбкой ответил:

— Учился когда-то. Три фактета окончил. Я ведь — профессор. Произвожу тут недалеко научные изыскания.

Д. Делев.

ЧУДО НА СЫРЫХ БОЛОТАХ.

Сатирическая повесть А. Григоровича и И. Кемлева. Рисунки Ив. Малютина.

Глава I. Нос.

Андрон Помпа сел на пенек, разложил по колену кисет и, свертывая собачью пепжку, начал разговор:

— Могешь понимать, что есть оптика?

— Могу, Андрон Семенович. Оман зрения.

— А что есть оман зрения?

— Могу, Андрон Семенович. Ковращение глаз.

— Ага!

Андрон Помпа с треском затянулся. Собеседник его, испитой и рябой парень Ребенка, почтительно и многомысленно помолчал. Потом не менее почтительно дотронулся до яркого Андропова кисета и, поддельваясь, спросил:

— А много изволили, Андрон Семенович, на означенное отвалить?

— Дар сердца.

— И никаких?..

— Стал-быть, никаких.

— А плохая почта газета пошла, Андрон Семенович...

— Это как?

— Глядите-с сами. Махру скурили, а оно все пыхает.

— Ага!

Парень энергично чесал за спиной и ерзал. Оптика и начатый Андроном разговор не давали ему покоя. Но сам Помпа схаркивал, нюхал воздух, качал головой и многозначительно молчал.

Потом вдруг высморкался, принахался к лесу и восторженно крикнул:

— Хвантазия!.. Слышал, парень, что есть Андронов нос?

— Помилуйте, Андрон Семенович.

— То-ись?..

— Прославлены, Андрон Семенович, на всю, можно сказать волюсть.

— Ага!

— А надись слышал — говорили... У Андрон Семеновича, мол, не нос, а инженерный аппарат. С ним, мол, в каком хошь месте не пропадешь. Сейчас, мол, нос, то, мол, к ветру — и докладывает: «В этой, докладывает, избе не гонют. А в этой и гонют, да не того коллибру. А тут мол, гонют в надлежащий градус: вали, ребята!» И, мол, как сказал, так и есть. Просто удивительно даже.

— А ты думал?..

— Специальный вы человек, Андрон Семенович. Прямо сказать, специалист. И, мол, что говорят-то... Ему говорят-то и в ГЕНЕЕ какое хошь место по самогону предлагали, сейчас удавиться — и сам председатель за ручку держал: «Наше вам, говорит, Андрон Семенович, с кисточкой». А вы Андрон Семенович

мол, и скажи: «Кисточку, мол, обратно». Так ни с чем и отъехали.

— Хо-хо, парень. Три месяца посидел и вся тут. Верно ни с чем...

Запах в лесу между тем делался все ощутительней.

И Андрон Помпа не даром так крутил носом и вел разговоры про обман зрения.

В этом общественном лесу, в который укрылся он с Ребенкой по пути в город от проливного дождя, под этими соснами и чахлыми ельниками, даже от этого рыжего можжевельника, выбившегося над пенком, — пахло не смолой и не деревом, как во всяком порядочном лесу, пахло даже не перегноем и муравьями, — здесь пахло, шутка сказать, натуральным трехлинейным и аппетитным... пахло, чем бы вы думали, — сокрушительным самогоном...

— Сейчас удавиться, парень, самогон!..

— Но-о-о, Андрон Семенович, откуда-же-ж?..

— Не иначе — из оврага.

— Да кому гнать-то?

— Верь носу, парень... Язык за зубам, пирог с грибам — кумпань-он будешь... Лезь вниз.

Полезли. Даже шапка по дороге слетела.

Вот и дно.

Вдруг Ребенка так и сел.

На самом срыве, в ущельи, изпод сдвинутого ливнем камня — прямо на песок бил тонкой, в палец струей и нестерпимо благоухал новый — прозрачный, еще неведомый никому целебный ключ.

— Хеерия!.. — сказал Андрон и почесал за спиной: — сейчас удавиться, царская?!..

Но давиться не приходилось. Ключ, действительно, бил, бил без хлопот, без платы — и сколько влезет. Бил — и, стервец, прямо в песок...

— Что добра-то пропадает, — сказал Помпа, подставляя ладони:

— А, ну, парень, попробуем!

— Чистота!

— Куда твоему, Андрон Семенович. Их, да ну!..

— Богатеющее, парень, дело. Триллион!

— Богатеющее, парень, дело... Триллион!

— Богатеющее, парень, дело... Триллион!

— Богатеющее, парень, дело... Триллион!

— Богатеющее, парень, дело... Триллион!

— Богатеющее, парень, дело... Триллион!

— Богатеющее, парень, дело... Триллион!

— Богатеющее, парень, дело... Триллион!

— Богатеющее, парень, дело... Триллион!

— Богатеющее, парень, дело... Триллион!

— Богатеющее, парень, дело... Триллион!

— Богатеющее, парень, дело... Триллион!

— Богатеющее, парень, дело... Триллион!

— Всю волюсть опить можно!

— Стойку тут, да гороху солёного... Такие капиталы, парень, нажить можно. Да граммофон бы. И служающие, на одной поске штоп...

— А я сейчас Катке ситцу: носи, дура!..

— Три-и-и деревни, два села!!

Через десять минут свалились. Первый в мире самогонный источник был открыт и «заявлен». Шумел лес и прочее... А между тем вдали, из черты Сыро-Болотинской волости, породившей изыскателя Помпу, уже надвигались на Россию, вызванные этим открытием, удивительные и чрезвычайные события.

Глава II. Мечта председателя.

Предволисполкома Сырых-Болот (она же Коллонтаевская волость), — был председатель обстоятельный и заботливый.

Недаром и крестьяне про него говорили:

— Силантий-то Чалый! Ого! Мериканец!

Энергия, сообразительность, аккуратность, — отличали Чалого. Его черная борода потела в зботах о вверенной волости ежедневно. Мысль напряженно работала. И видимым результатом этой заботы было прежде всего то краткое, хотя и несколько загадочное предупреждение, которое висело над его председательским столом:

Заведущие от дела.

НЕ КЛУП.

Время — деньги.

Но американцем, собственно, прозвали его не за эти качества: бороду и надпись. Карьеру ему сделали его исключительные технические способности.

Когда началась война, и казенки были закрыты, Силантий Чалый, еще никому неведомый и забитый сельчанин, пришел однажды к двери волостного кабака, крикнул, подергал за ушко внушительный замок и вслух сказал:

— Гм. — да! А ежели, скажем, крестины там, аликум в гости пришел? Ага! Выходит, своим умом достигать надо.

Крякнул

еще раз, пришел домой, позвал на совет соседа Помпу, — и загремели в избах самовары, кадушки, медные трубы.

Конечно, все это было лишь робкое кустарничество, только первая слабая заря, предшествующая великому будущему; но благодарная волюсть оценила по заслугам и инициативу Чалого и его находчивый ум.

— Этот могиб. Винтит, в случае чего.. Башка-а!..

И вот, Силантий Чалый уже оформленный председатель. Он сидит за казенным столом под своим загадочным извещением — и, действительно, третий год винчивает дела.

— Уфинотделу, — пишет он. — Сыр-Глаголевского уезду, волюсть Сырых-Болот. Настоящим...

— Запущью, — решает он: — в случае чего, почешутся... и пишет: «извес-чаю... при сем препровождаю 4 акта имущества в однарном размере за трудналог».

Он останавливается и минуту соображает:

— «Описанное имущество представить не возможно вследствие того, что куры сидят на яйцах, по-сему просим вас сложить с таковых причитающийся налог».

Тут он крякает и раскачивает руку для подписи.

— Проклятая жизнь, — думает он. — Не жисть, а жестянка! За каждую стерву-чипленка отвечаю. Вот те и власть!

А перед столом стоит уже длинная очередь посетителей.

Впереди, отвечивая низкие поклоны — курносая, не в пример мужу — слезливо шмыгает носом и кланяется сама Помпиха.

— Опять, ведьма, на мужа жалиться пришла, — думает председатель и делает страшные глаза. — Чертова бумага, аж выгнать не успел.

— Батюшка, Силантий Егорыч, отец родной! — кланяется Помпиха. Председатель распрямляется:

— Слушай, которые приехали к занятому человеку — кончай без дипломатов. Время — деньги дензнаками образца...

— Помилуй, отец родной!

— Кратчей!

— Силантий Егорыч, дело-то...

— Кратчей, тебе говорят!

— Без ножа режуг...

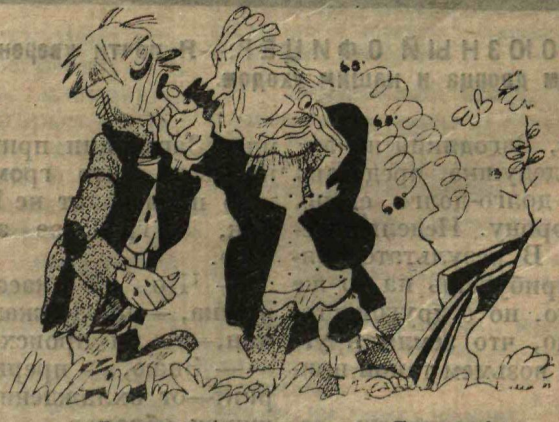
— Кратчей!

— Муж у меда.

— Ну муж — приходи завтра. У ее воп тоже муж.

— Батюшка!

— Раю. Через неделю приходи. Есть у меня государственное вре-

мя — прохладиться с бабой. Без тебя запарился. Второй день бумагу пишу — видишь бумагу вгвоздил, а куда запятую преткновения ставить — и не вдолеку. Могу бумагу без запятой посылать?... Проходи, проходи!

— Кормилец, да убили жеж.

— Тебя убили, что ль? Ду-ура!

О какое место?

— Мужа жеж.

— Мужа... Это Помпу-то?..

— Урезали его злые люди, пьяницу, урезали покойничка, одна шалочка на дороженьке. Отцеубийство, отец родной. И на кого-с... да и ка-ак, да и что-о...

— Постой, постой баба, — встал председатель, — поехала за орехами. Чего буромишь?

— Да как жеж. Как пошел артедь дни в город-то, мой-то, котел

пошел по-купать к урожаю — мал, грит, ему старей-то, мал. Ну, пошел. Ста-вить грит, буду—в самый город. Потому, грит, как есть у меня, один конкурент, силкат этот самый, да у него, грит, вино дамское, киш-ка, грит, тонка...

Есть у меня государственное дело—прохладиться с бабой.

— Брось брехать, дело говори! — сказал председатель.

— Вот и пошел, Си-лантий Егорыч, и пошел и нетути. Я уж и в городу была. Нетути. Иду-у по дороженьке обратно, глядь, шапочка ево-ная на кустике, козыречек отор-ваненький.

И Ребенка с ним увязался, пропал. Да и на ко-о-ого... Пожалуйте свидетельство, Силантий Егорыч: мне за Петьку Обывова теперя выходить, не иначе. Венчаться обещается.

— Постой, постой, ты того... — забормотал председатель, волнуясь и вдруг стукнул кулаком по столу. — Вы тут... вот оно что, и до нас докатилась. Международное обложение выходит. Членоповреждение... Вы того, выкатывайтесь все! Я ччас распорядиться стану.

А на утро все село, вооруженное косами и дрекольем, двинулось в лес на розыски. За мужиками увязались даже девки и бабы.

(Продолжение— в следующем номере).

КОНКУРС НА СОВДУРАКА ПРОДЛЕН ДО 1-го ЯНВАРЯ.

ДЕТИ-ЦВЕТЫ АСФАЛЬТА.

Беспризорные дети на улицах Москвы ночуют в котлах для варки асфальта.

Из газетной хроники.

Рис. Нв. Малюткина.

Современные «котроки в печи огненной».

НАДЕГУСТИРОВАЛИСЬ...

«Президиум Всероссийского Собрания виноградарей и виноделов просит Вас прибыть на дегустацию русских вин и шампанских и последующий за ней банкет русских виноградарей и виноделов»
Из пригласительной повестки.

(Дегустация—проба вин при экспертизе).

Рис. М. Черемных.

Без доклада
не входить!

1-й ПЬЯНЫЙ:—Вина оказались крепче, чем я думал! Советская винная промышленность встала прочно на ноги.
2-й ПЬЯНЫЙ:—Промышленность-то встала... а вот я-то из-за нее встать на ноги не могу...

ВИЛЫ В БОК.

Беременный фининспектор.

Нас, крокодилцев, часто упрекают в том, что рассказы наши далеко уходят от действительной жизни. А вот как вам понравится такой не выдуманный случай из самой действительной жизни:

Хорольская раб. поликлиника (Лубенского уезда) выдала фининспектору т. В. Т. Цюцорману листок о болезни за подписью врача О. Б. Кагана. В листке ясно указана дата предполагаемых родов у т. Цюцормана по случаю беременности. Между тем т. Цюцорман родить, конечно, не собирался и не собирается.

Очевидно гр. Каган, врач, выдавший такое удостоверение, сам сильно болен. Может быть, у него горячка и даже родильная? Во всяком случае, нельзя позволять больным врачам работать в поликлинике. Это слишком жестоко.

Не Кострома, а Калуга.

В № 38-68 «Крокодила» была заметка «Костромские ученые». Мы должны извиниться перед костромичами.—Лишь по недосмотру корректора Калужская «Коммуна» стала «Костромской». Зато перед Калугой мы не только не извиняемся, но предлагаем ей еще одну «порцию вины».

Под крупным заголовком: «Подробности событий в Германии» Калужская «Коммуна» приводит сведения о восстании... в разных местностях Болгарии.

Крупным шрифтом печатается следующая сенсация:

Сообщения о серьезном характере коммунистов и крестьян подтверждаются.

Спасибо! А то иные думают, что коммунисты и крестьяне не серьезные люди!

Или вот еще сообщенье:

«Македонский комитет разослал для преследования и убийства т.т. Коларова и Дмитрова вождей болгарской коммунистической партии и руководителей повстанцев.

Точка! «Пойми из этого», как говорится, какой это «Македонский комитет»? Кого он разослал? Можно подумать, что вожди ком. партии посланы убить т. т. Коларова и Дмитрова.

Товарищи калужане! Если крокодилый корректор случайно направил вилы не на вас—это еще не значит, что вы можете спокойно писать и печатать непроходимые нелепости. Смотрите! Конкурс на совдурака еще не закончен!

Сов-именины.

Реклама, как известно, двигатель торговли. И вот Правление Вятского Спич-

Рис. Д. Мельникова.

треста посылает в газету «Вятская Правда» такое обьявление:

Правление Вятского Спичтреста приносит свое искреннее поздравление заведующему Г. С. Н. Х. Владимиру Никифоревичу Масалкову по поводу исполнившегося трехлетия его деятельности, как руководителя государственной промышленности Вятской губернии.

Правление.

Это обьявление Спичтрест просит поместить обязательно на первой странице. Вот уже действительно:

Честь имеем вас поздравить
Со днем ваших именин!

До чего в Вятке народ почтительный к начальству—прямо слеза от умиления бьет!

Чудеса.

Ох, еще мало чистки было в милиции! В особенности «во глубине России»...

Кустанайская «Красн. Степь» повествует:

В Канне галилейской была вода превращена в вино, а в Боровом помощник начальника милиции Кожаров самогон перерабатывает в воду. Тоже «чудо», только наоборот значит.

Один милиционер у гр-на Мостового отобрал четверть ведра самогонки и это «вещественное доказательство» сдал под расписку дежурному милиционеру. Об этом узнал Кожаров. (На даровщину принято «дербалызнуть».) Позвал с собой приятеля Стадниченко и пришел в милицию, требуя у дежурного «вещественное доказательство». Милиционер сначала не давал, но «воля начальства—закон», все-же отдал. Тут же в милиции «друзья» уселись за стол и «вещественное доказательство» «усидели» до упора в доньшко. Потом четверть налили водой и запечатали сургучем: «претворили самогон в воду».

Если уж все переводить на «чудеса», то следует сотворить и другое иисусово «чудо», а именно: «изгнание бесов» (из боровской милиции).

„Новая приснодева“.

Стерлитамакские «Известия» извещают о необыкновенном чуде:

По сведениям сестра милосердия местной больницы на-днях разрешилась ребенком, от которого категорически отказалась, т. к. мужа у нее не было.

Следовательно, по примеру божественного прошлого, «от святого духа»...

Срок присылки материала

НА КОНКУРС

СОВДУРАКА

продолжен до 1-го января 1923 г.

Хроника „Крокодила“.

● На руднике «Ветка» собрание постановило: рудник переименовать в «рудник Красного Крокодила». Крокодила избрали почетным управляющим.

● Редакцией «Крокодила» составляется сборник под названием «Крокодил-декламатор». В сборник войдут сатирические миниатюры, частушки, куплеты, песенки, дубки и т. д. В таком сборнике ощущается в настоящее время насущная необходимость, и для громадной армии безрепертуарных эстрадных артистов он является «настоящей книгой». В «Крокодиле-декламаторе» будут помещены рассказы и стихотворения для сцены сотрудников «Крокодила» — Демьяна Бедного, Грамена, Вас. Лебедева-Кумача, Мих. Козырева, Вал. Катаева, И. Кремлева-Свзна, Ал. Неверова, Льва Никулина, Мих. Пустынина, Красного Жала, Ал. Григоровича, Е. Фролова, Яга, и многих других.

● Кинофирмой «Кино-Москва» приняты два сценария сотрудников «Крокодила»: «Лимонад — член Лиги Времени» и «Макс Линдер, Чарли Чаплин и Глумелькин в Советской России».

● За последние два месяца «Крокодил» выпустил несколько «устных померов». Устный Крокодил был поставлен в день годовщины государственного института журналистики, в день губернского съезда работников печати в Губрпосе, на заводе «Гужон» и на резиновом заводе «Красный Богатырь».

● Секретарь «Крокодила» Архип путешествует в настоящее время по Донбассу и собирает чрезвычайно интересный материал, который будет опубликован в специальной книжке из серии «Библиотека Крокодила». Товарищ Архип устраивает выступления живого Крокодила на рудниках и заводах.

● Редакцией «Крокодила» подготавливается к печати детский сборник, который будет напечатан с соответствующими рисунками.

● Готовится специальный номер «Крокодила», посвященный годовщине журнала. «Крокодил» — первый в Советской России сатирический журнал, — является опытом и лабораторией сатирической литературы и общественной карикатуры. Необходима оценка и учет результатов этой работы.

● Фабрика механической обуви в Иваново-Вознесенске назначила Крокодила почетным директором и назвала фабрику именем Крокодила.

● Рабочие резиновой фабрики «Красный Богатырь» подарили Крокодилу гигантскую калошу, в которую просят сажать всех врагов рабочего класса.

Спящее царство.

Дорогой Крокодил!

Узнав, что ты стал нашим шефом, спешу обратиться к тебе за помощью.

Дело вот в чем: у нас в г. Наволоках Кинешемского уезда есть отряд юных пионеров. Местный рабклуб и культкомиссия, которые должны заботиться о нас, не дают нам материальной помощи, несмотря на несколько заявлений с нашей стороны. У них ответ один: «Не собирается правление», а мы ждем, когда оно соберется, и ведем занятия на свои средства.

Будь добр, поторопи наш рабклуб, а также и председателя культкомиссии.

Один из пионеров.

Пришли мне портреты председателя и членов, я их потороплю.

Крокодил.

В Самарканде.

— Уф! шоб им на те место, витки растут ноги, по двенадцать прапцев сило! — горячасе ругался мой товарищ С. К. — ни! Скорей с неба змисто дождя варени раки посушляться, дай ще перамшани с Самаркандскою самогонкою, и солонмы огурками, чм я, согласуюсь вмерти такую поганую смертью.

И тов. С. К. рассказал мне нечто похожее на Пушкинского «Медного всадника».

С приездом в Самарканд зам. начальника боевого района тов. Бондаренко, его — С. К., все время, во всякие часы дня, а иногда и ночи, всюду преследуют: — то мчащийся полным ходом автомобиль с Зав. Нач. Самаркандского района Бондаренко, или военный экипаж, запряженный откормленной парой водных лошадей, управляемых рукой ординарца Бондаренко, с сидящими в нем пассажирами — женою тов. Бондаренко и ее кумушками.

Тов. С. К. никак не хочет согласиться умереть под колесами экипажа, ибо считает, что, конечно, умереть под колесами машины, везущей «важного» красного генерала, — для красноармейца большая честь и своего рода героический подвиг, но — с условием, — если в этом автомобиле помимо красного генерала не будет находиться прекрасный и до пояса декольтированный пол.

На твоей обязанности лежит указать место моему уважаемому тов. С. К. чтобы он не мешал делать моцион мадам Бондаревой и ее кумушкам, раскатывающимся на казенном экипаже.

Военкор (подпись).

Непонятно — в чем дело? Кто ночью катается, кто шляется? Зачем и почему? Крокодил.

Крокодил, уйми держиморду!

Уважаемый и любимый Крокодил! Твои вилы и зубы держат в «страхе божем» многих и многих держиморд, олухов и лоботрясов. Отметь у себя и нашего держиморду, чтобы он вел себя по-современному, а не по-царски.

Дело в следующем:

В Заручьевскую волость, Бежецкого уезда, в дер. Терешково прибыла ударная группа за недоимкой. Явилась на квартиру гр. Карпова, считая его недоимщиком, и потребовала уплаты налога. Карпов предъявил квитанции, заявив, что «я уплатил весь налог с излишком», на что ему продинспектор ответил:

— «Я приехал не квитанции проверять, а налог вышибать. Плати 130 рублей за недоимку».

Делать нечего. Собрал Карпов 130 руб. и уплатил, а на другой день пошел в исполком и там выяснилось, что он переплатил 10 пуд., да еще 130 рублей.

Ходит теперь Карпов, а получить обратно своего не может.

Десять пудов — не мало стоят!

Прохвати его, пожалуйста, чтобы и держиморде и другим неповадно было.

Тверян Р.

Сложная задача.

В журнале «Крокодил» № 33 помещена заметка «Трестология», о том, что заправили Сахаротреста в г. Курске, чтобы обеспечить себе сбыт рафинада, издали распоряжение: не продавать сахарный песок без рафинада. Это еще понятно.

Но вот у нас в Екатеринбург — другое дело. Здесь издано распоряжение — не продавать рафинада без сахарного песка. Казалось бы, для рабочего это выгодно, т. к. сахарный песок дешевле рафинада. Рабочие, осведомившись о цене сахарного песка и рафинада, охотно соглашались на это предложение.

Но вот показывают рабочему песок, а у рабочего и глаза под лоб закатываются. А почему? Потому что сахарный песок бурого цвета и пахнет свеклой, а когда возьмешь в рот, кислее лимона.

Приказчик, видя нерешимость рабочего, спешит отрекомендовать положительные качества «бурого», что он весьма и весьма пригоден для печения и вообще для духни...

Отсюда задача: 1) Может ли купить рабочий рафинаду. 2) Каким образом могут частные торговцы продавать са-

харный песок и рафинад хорошего качества, покупая его у того же Сахаротреста?

Местный.

Почтовый ящик.

МОСКВА:

«Норд-Весту». — Тема уже использована в Крокодиле.

Крестьяну. — Не пойдет.

ПРОВИНЦИЯ:

Н. Фоминых — Смирнову. Передали в «Рабочую Газету».

Екатеринослав — Ив — но. Житомир — Боярскому, Одесса, — Л — й, г. Каган (Н. Бугара) — Рыжкову, Вобруйск — Слонову, Гаврилов-Ям — Вьюгину. — Не пойдет.

Тула — В. Куприну. Куприн пишет:

«Завонили благим матом Духовенство всем сенатом Что ж нам делать и как быть? Волком стали точно выть».

Привет от писателя Куприна. Он в восторге. Мы — тоже.

Лебедянь — Нопылову. Пошлю вам рассказ «Два гимна». Не пойдет ни один.

Киев — Строй — нову.

«Брезгливо смотрит галифе Красноко — слесарь с молотком Как сев в аквариум и кафе Они шушукуют тайком».

Импровизируем в вашем стиле: «Смеялась мрачная фуражка. А на нее взирал жилет». Не нравится? Странно!

Одесса — Единице. Прошу сказать откровенно, стоит ли мне когда-нибудь пробовать писать. Писать? Пожалуй! Только не посылать в редакцию. К чему марки переводить?

Кострома — Сменному. Не пойдет.

Екатеринослав — Нохану. О «червопкисе» скучно.

Иркутск — Ломоносову. Рисунки сделаны небрежно и неумело. Помещены не будут.

Барнаул — Чубуку. Чубук пишет:

На водокачку за водой Спешит заспанный обыватель. С тугим портфелем под рукой В нарсуд бежит председатель.

А Чубук —

бежит при помощи чернил убить стихами Крокодил.

Донбасс — Раборам. Привет от Архипа.

Редактор — Ред. Коллегия. Издание «Рабочей Газеты».

МОСКВА, Охотный ряд.

КРОКОДИЛ

Попадутся в рабочие сети!

Рис. М. Черныш.

1-й РЫБАК: — И откуда столько этих крыс? Сетями и то не выловишь...
2-й РЫБАК: — Это крысы с тонущего корабля «Империалистическая Европа»!..